

Некоторые аспекты политической философии на Востоке и на Западе: общее и особенное

Ирисметов Б.М., кандидат философских наук,
доцент Государственного института искусств и
культуры Узбекистана

Анотация. Ушбу мақолада ғарб ва шарқ сиёсий фалсафисидаги фарқи очиб берилган. Ҳамда инсонни ғарб фалсафаси марказининг ҳуқумрони сифатида тан олиншини асослайди ва табиат билан жамиятни янги технологиялар орқали ўзига бўйсиндиради. Шарқ эса метафизик жихатдан баҳоланади ва инсон трансцендент иродага таслим бўлиши акс эттирилган.

Калит сўзлари: антропоцентризм, теоцентризм, уйғунлик, маънавий кадриятлар, трансцендентал ирода, олам билиш, революцион ва эволюцион ривожланиш, шахс, гомогенлик, жамият, ажратиш ҳудуди.

Abstract. The article mentioned the difference in political philosophy in the west and the east. In addition, the place of people in Western philosophy is substantiated, as well as submission of nature and society to them using modern technologies. In the meantime, the article highlights the measures of metaphysical effect in the East of transcendent human will.

Key words: antropocentrism, personality, society, theocentrism, harmony, spiritual values, transcendental will, knowledge of the world, revolutionary and evolutionary development.

Анотация. В этой статье раскрывается отличие политической философии на Западе и Востоке. При это признается, что человек находится в центре западной философии, который подчиняет себе природу и общество, с помощью новых технологий. Восток же оценивается с помощью метафизики и подчиняется трансцендентной воле человека.

Ключевые слова: антропоцентричность, личность, общество, теоцентричность, гармония, духовные ценности, трансцендентная воля, познание мира, революционное и эволюционное развитие, буферные зоны.

Это касается устройства мироздания

Запад — антропоцентричен. В центре мироздания такого типа обществ стоит человек, который является властелином мира, подчиняющим природу и общество. Этот человек в политике использует технологии преобразовательно-модернизаторского типа. Восток — теоцентричен. В центре мироздания здесь — трансцендентная воля, которой подчиняется человек. Соответственно задачей человека является распознать эту волю и действовать в соответствии с ее принципами. Поэтому в политике желательно использовать «мягкие» технологии, не нарушающие гармонию общества и природы, а также нравственные законы в самом обществе.

По ценностным ориентациям личности и общества

Запад ориентирован на материальные ценности, соответственно и общество стремится к всеобщему благоденствию, которое понимается как «потребительский рай». На Востоке приоритетны, прежде всего, духовные ценности, а общество стремится развиваться в соответствии с нравственно-религиозными принципами. Целью такого развития является не столько и не только материальное благоденствие, сколько гармония и равновесие.

По отношению к собственности

На Западе частная собственность и товарное производство ориентированы на рынок. На Востоке главенствует власть-собственность, при которой функции собственника опосредованы причастностью к власти.

По отношениям между светской и религиозной властью

На Западе произошло отделение церкви от государства и была провозглашена независимость политической сферы от нравственно-религиозной традиции. На Востоке политическая власть сакрализована (хотя степень этой сакрализации и может быть различна), религия освящает политическую традицию, в большинстве случаев (или часто) является государственной религией.

По шкале политического времени

Запад ориентирован на будущее, время там — линейно, оно непрерывно убыстряет свой ритм. Восток ориентирован на вечность, там политическое время циклично. Центр власти сориентирован через личность только лидера.

По отношению человека к истине

На Западе существует рациональный путь постижения истины, т.е. человек признает истинным лишь то, что подвластно его уму и воле. Восток ориентирован на интуитивный путь постижения истины. Истина нужна, чтобы ей служить, она — само бытие, и, соответственно, не зависит от воли и ума индивидуума.

По процессу познания мира

На Западе процесс познания сводится к познающей активности субъекта, который исследует свойства объектов. На Востоке процесс познания заключается в слиянии с объектом, его духовном постижении на интуитивном уровне [1. С.486].

Естественно, что такое дуалистическое противопоставление характерно, прежде всего, для традиционных восточных и западных обществ, в современных обществах оно становится все менее значимым. Так, начиная с XX века, явно наметилась тенденция к заимствованию некоторых из упомянутых принципов как Западом, так и Востоком, соответственно, начал происходить процесс как взаимовлияния, так и синтеза. В то же время в некоторых областях, в первую очередь в политической культуре, а частично и в других (политическая система, экономика, менеджмент и др.), по определенным причинам синтеза и взаимовлияния не произошло либо он начал происходить только в самое последнее время [2. С.168].

В этой связи, важно понять, какая часть обществ незападного, т.е. восточного типа, и каким образом перешла от модернизации догоняющей, копирующей западный опыт к модернизации как особому пути развития,

альтернативному западному естественно - историческому типу, т.е. к модернизации эволюционного типа без социально-политической дискретности, выражающейся в отсутствии четких периодов взрывного (революционного) и стабильного (эволюционного) развития, и одновременно альтернативной мобилизационной модернизации социалистического/коммунистического типа, т.е. к модернизации, являющейся синтезом западного политического опыта демократии (принципа всеобщей выборности), конституционного либерализма и автохтонной политической культуры [8. С. 352].

Очевидно, что существует связь между глобальными проблемами международных отношений и новыми тенденциями, связанными с трансформационными региональными процессами (изменением силы, экономической мощи, конфессиональными конфликтами и проецированием цивилизационного и конфессионального влияния), которые влияют, а в некоторых случаях и переформируют глобальный уровень отношений. Повышение степени изменчивости макрорегионального (а следовательно, и мирового) политико-географического пространства привело к тому, что оно меняется в мире в целом (образование Евросоюза типа «Большой Европы», НАФТА, региональная интеграция в странах Латинской Америки) и на Ближнем, Среднем Востоке и в Восточной Азии в частности.

Геополитическое изменение регионального пространства связано с трансформацией глобального лидерства и вызванных этим процессом региональных трансформаций и инициируется, прежде всего, глобальными игроками [1. С.23].

Именно поэтому, в современном мире регион может стать проводником наднациональной идентичности и интеграционной политики или же дезинтеграционной (автаркической), национальной (националистической) политики и антиглобалистских решений, т.е. регион может возникать как особая пространственно-временная конструкция, укрепляющая, ослабляющая или переформирующая мировой порядок, а варианты обоснованного регионального пространства (в том числе геополитические/политические, геоэкономические/экономические и этноконфессиональные) – содержатся в концепциях суверенитета, безопасности, усилении или ослаблении этнического начала, проповедовании или низвержении религиозной/конфессиональной исключительности [2].

При этом особая специфика сегодняшнего момента состоит в том, что нынешнее противостояние различных цивилизационных мировосприятий и моделей политико-экономического устройства «может против воли его участников приобрести форму антагонизма между демократией и религией, демократией и местной традицией, демократией и естественным стремлением огромной части незападных ареалов мира, жить согласно привычному укладу, продуманно и плавно изменяя его, но, не позволяя ему полностью разрушиться».

Поэтому региональное пространство можно рассматривать как зону согласованных измерений и зону разногласий (зона В.Парето). Это

предопределило политический интерес как к территориям, так и к пространственным связям, концептуализированным в различных проектах локальности, национального суверенитета, наднациональности, а в случае ЕС и постнациональности. Благодаря чему за последние пятнадцать лет возникло большое количество внешнеполитических проектов по построению регионов в различных частях мира».

Новое геополитическое пространство сегодня, детерминировано экономическими, военно-политическими, цивилизационными, культурными и этноконфессиональными параметрами, а не географическими или физическими границам, как это было в XIX или XX веках, с чем было связано, кстати, и появление разного рода прикладных теорий на относительно ранних стадиях развития социума, связанных с теориями расовой/этнической исключительности, а вследствие трансформирующихся в концепции этноконфессиональных или конфессиональных различий или цивилизационных, конфессиональных конфликтов.

Понятие физических и политических границ в настоящих условиях приобретает оттенок относительности, хотя эти границы и продолжают существовать, а между некоторыми геополитическими ареалами (к примеру, между западным и незападным миром) они даже ужесточились (усиление визового контроля, «визовые войны»). Появились и новые («непрямые», «мягкие» и т.д.) формы контроля над территориями и воздействия на пространственные ареалы «через» или минуя государственные границы. При этом, безусловно, возросла взаимозависимость государств и регионов, а экономическая мощь и экономические взаимосвязи (экономическая интеграция) стали играть роль сами по себе, а не как основа военной мощи. При этом глобализация, во всяком случае, в той форме, в которой она проходила на протяжении конца XX – начала XXI в., пока не смогла снивелировать значение этноконфессиональных и культурно-цивилизационных факторов [7. С.248].

Важно понимать, что сегодня изменились критерии, по которым оценивается мощь государства, изменилась структура политической силы, но понятия границ и суверенитета не умерли, хотя некоторые аналитики и пытались это провозгласить, а трансформировались в новое, пока еще недостаточно исследованное качество. В соответствии с этим новым качеством мировой процесс становится более субъектным, мировое пространство хотя и становится «плоским» (термин Томаса Фридмана) из-за процесса глобализации, но при этом остается дробным, а иногда и фрагментированным, т.е. пока не становится гомогенным, хотя общая степень его глобальности и повышается [15. С. 332].

Если анализировать связь этих новых соотношений с традиционными географическими и политико-географическими регионами, то прежде всего необходимо отметить географическую размытость последних. Многоформатность и взаимосвязанность проблематики международных региональных отношений в новых геополитических и геоэкономических условиях требует анализировать тенденции политического развития регионов

вместе с «сопряженными» территориями и во взаимосвязи с новой, более сложной и рафинированной системой геоэкономических, этноконфессиональных, ценностно-цивилизационных и других факторов.

Таким образом, процессы, которые сегодня происходят в одном государстве, косвенно связаны с проблематикой макрорегионального политико-экономического развития, а потом уже с глобальной проблематикой. Одновременно существует и обратная связь. При этом пространственные (регионально-географические), геоцивилизационные и этноконфессиональные факторы в этой «сопряженности» продолжают играть очень важную, если не главенствующую роль, несмотря на процессы глобализации [5. С. 126].

Как мы уже отмечали выше, если исходить прежде всего из географических параметров, то можно достаточно легко выделять географические макрорегионы – Азию, Африку, Америку, Европу, Австралию и Океанию с подразделением на мезорегионы и субрегионы. Сложнее обстоит дело с определением макро - и мезорегионов в международно-политическом и этноконфессиональном смысле. Понятие «Большой Ближний Восток» основано на цивилизационной близости Ближнего (арабского) и Среднего Востока, т.е. оно объединяет шестнадцать государств Юго-Западной Азии и в дополнение к ним по крайней мере еще и Египет, и Судан, но по сути – все страны арабской (северной) Африки (Африки к северу от Сахары). Африка южнее Сахары представляет собой отдельный геоцивилизированный ареал/регион, хотя Африку и Большой Ближний Восток связывают вполне определенные исторические, конфессиональные и цивилизационные связи. Географические макрорегионы Азию и Африку часто объединяют в понятие «Большой (или расширенный) Восток», т.е. Восток выступает в качестве геоцивилизационного и геополитического макрорегиона со своим особым структурным социально-политическим устройством, о чем уже упоминалось ранее, чем просто географического понятия [12. С.221].

Если же исходить из структурных историко-культурных и этноконфессиональных параметров, то под Большим Ближним Востоком можно понимать объединенные историческими, политическими, а также этноконфессиональными, цивилизационными, геоэкономическими связями индоиранский (Пакистан, Афганистан, Иран, Таджикистан), тюркский, арабский и североафриканский регионы, связанные определенными этноконфессиональными, геоцивилизационными, этнолингвистическими, этнокультурными и этнопсихологическими связями. Существуют между ними и вполне определенная общность, и достаточно прочные исторические связи в области политической культуры. Все эти страны в целом принадлежат к одному культурно-религиозному и цивилизационному макрорегиону внутри географического суперрегиона Азия. Географический суперрегион Азия, часто называют просто Востоком, хотя, как мы уже отмечали выше, это понятие имеет не только и не столько географические, сколько структурно-цивилизационные характеристики.

Некоторые исследователи считают, что между макрорегионами есть буферные зоны, где идет взаимопроникновение, а иногда и прямое

соперничество или противостояние разновекторных цивилизационных, этноконфессиональных и часто сопряженных с ними геоэкономических и геополитических составляющих, а потому страны в этой зоне могут тяготеть к разным макрорегионам в соответствии с тем, какая региональная составляющая оказывается преобладающей. Очевидно, что буферный характер этих государств влияет и на пути формирования политических систем и специфику политических и экономических процессов в них. Политические системы и политические режимы в странах буферных зон имеют, как правило, гетерогенный, конгломеративный и противоречивый, а, следовательно, часто и нестабильный характер. Проблематика буферных зон между макрорегионами носит в высокой степени дискуссионный характер, однако, возможно, именно наличием этой зоны и спецификой протекающих там процессов межцивилизационного взаимодействия и объясняется острота этноконфессиональных и этнополитических конфликтов на территории расположенных там государств [13. С.228].

К буферной зоне между Африкой и Большим Ближним Востоком относятся, к примеру, Судан и Эритрея, а между Европой и Большим Ближним Востоком – Турция, Израиль, Ливан, Азербайджан, Грузия и Армения. Видимо, государства Центральной Азии также можно отнести к буферному региону между Большой Европой, Большим Ближним Востоком и Большой Восточной Азией. Извечная полемика между славянофилами (почвенниками) и западниками, в частности по вопросу политического устройства государства, косвенно отражает тот факт, что и Россия, несмотря на ее огромные физико-географические размеры, находится между западным и восточным суперрегиональными комплексами [16. С.131].

Из государств, расположенных в буферных зонах, следует упомянуть Афганистан. По мнению одних исследователей, он географически относится к Центральной Азии, которая геоэкономически тяготеет в настоящее время к Большой Восточной Азии, а цивилизационно (т.е. в соответствии со своей основной этноконфессиональной составляющей) принадлежит скорее региону Ближнего и Среднего Востока. Другие считают, что логика внутривосточного развития, основанная на факторах цивилизационного и этноконфессионального единства, позволяет отнести Афганистан и Пакистан, а также и страны Центральной Азии скорее к Ближневосточному региону, чем к какому-либо другому.

Одновременно сегодня существует и не менее влиятельное крыло аналитиков, которые указывают на все более сильное геоэкономическое и геополитическое тяготение Южной и Центральной Азии в направлении Восточной. Суждение о том, что цивилизационное и геоэкономическое единство вкупе с геоэкономическим и геополитическим тяготением сильно ускоряет эволюцию политических процессов в определенном направлении (пример, страны Центральной Европы), не вызывает сомнения, а вот на вопрос о том, что происходит, когда эти составляющие ориентированы в противоположных или разных направлениях, пока однозначного ответа нет.

В конце XX века политико-стратегический «шарнир» Пакистан – Афганистан – Таджикистан – Узбекистан соединяет эти четыре страны в сложнейший геостратегический узел, который продолжает существовать и в настоящее время. Одновременно проблемы Афганистана и Пакистана нельзя анализировать в отрыве от развития пакистано-индийских отношений, т.е. от динамики региональных процессов в Южной Азии. Афганистан и Пакистан геополитически связывают Центральную Азию с Южной, в то время как Китай и Япония геоэкономически притягивают всю Восточную Азию к Юго-Восточной части Китая (Гонконг, Макао и т.д.).

Однако Большая (или «расширенная», в другой терминологии) Восточная Азия не является единой этнически и конфессионально и роль этих факторов в становлении новых региональных комплексов еще предстоит выявить. Параллельно возникает вопрос и об общем векторе политических процессов, и эволюции политических систем этого макрорегиона.

Ясно, что отдельные страны могут входить в соответствии с различными параметрами не в один, а в два или даже три перекрещивающихся региональных кластера. Кроме того, часто выделяются и другие культурно-географические агломерации государств, которые могут строиться по принципу экономической кооперации и совместной системы безопасности и/или «скрепляться» историческими конфликтами, спорными проблемами, традиционной враждой, т.е. возможно и правомерно деление мира на геоэкономические и геополитические регионы, к тому же и некоторые «исторические» регионы в последнее время приобретают довольно четко выраженные «геоэкономические» черты. Эти «перекрещивающиеся» принципы «цивилизационно-пространственного» членения, позволяющие вычленять «базовые» или «структурообразующие» макрорегионы, и дали возможность сгруппировать материал в разделы в настоящей работе. В рамках границ этих регионов имеет смысл проводить параллели и строить различного рода сравнения и сопоставления. Только такие сопоставления, на наш взгляд, и могут послужить основой для более широких кроссрегиональных сравнительных моделей универсального характера [17.С.224].

Проблематика политического устройства, так же как и этноконфессиональная проблематика, всегда неразрывно связана с путями исторического развития того или иного государства. В современном государстве этнический плюрализм и этноконфессиональная /конфессиональная неоднородность, либо унаследованные от истории, либо формирующиеся в связи с массовыми миграциями, вызывают необходимость формирования определенной модели политического сосуществования этнических и конфессиональных групп в рамках общего государства, определения норм и принципов отношений между этническими и конфессиональными группами внутри государства, поиска моделей существования устойчивых форм политических институтов, которые бы не оспаривались или подвергались сомнению различными этническими и конфессиональными группировками в его составе, достижения баланса в политической власти, учета специфики

этнических и конфессиональных интересов в публичной политике государства и другое [18. С. 117].

При этом сам факт этнического или конфессионального различия необязательно приводит к конфликтам, хотя и может быть самодостаточен.

Человечеству известно множество примеров мирного или преимущественно ненасильственного сосуществования различных этноконфессиональных групп в рамках разных, но адекватных этноконфессиональному составу и историческим условиям формирования политической культуры политических систем. С этой точки зрения изучение принципов этноконфессионального взаимодействия, необязательно заканчивающегося конфликтом (менеджмент этноконфессионального взаимодействия) в разных политических системах, а также модели управления этноконфессиональными конфликтами в политических режимах определенного типа имеют большую практическую востребованность, особенно для понимания тех обществ, в которых социально-политическое, этноконфессиональное и цивилизационное сознание расколото [10. С. 312].

Поскольку в практической сфере этноконфессионального взаимодействия значительно ярче проявляется действие множества самых разнообразных факторов, включая политическое, то четче проявляется и междисциплинарный характер этой области знания, так как возникает необходимость понимания механизма воздействия на реальные события экономических, культурных, правовых, политических, географических, психологических и других детерминант. Все они в той или иной степени связаны, а в некоторых случаях даже напрямую определяются особенностью пространственного протекания политического процесса, то есть пространство, понимаемое в широком философском контексте, и связанное с ним мировосприятие влияют на специфику проявления экономических, политических, культурных, правовых, психологических и других факторов. Например формирование политических систем заменившие собой коллективного лидера страны (коллективный Назарбаев, Рахмон, Бердымухамедов на этноконфессиональной основе) и т.д. [6. С.112].

В какой мере этноконфессиональная проблематика служит «стяжению» макрорегионального комплекса или усилению центробежных сил, еще предстоит выяснить в каждом конкретном случае, хотя несомненно, что найденные некоторыми крупными странами региона, модели удачного этноконфессионального взаимодействия в рамках определенной, соответствующей их исторически сформированному типу политической культуры и политической системы, в целом, способствовали как экономическому росту в конкретных странах, так и выдвиганию того или иного региона в перспективный центр мирового экономического роста. В этой связи крайне интересен вопрос прикладного характера о том, в какой степени эволюция и сознательное трансформирование политической системы способствуют нахождению адекватной модели успешного социально-экономического развития.

Литература

1. Мирзиёев Ш. Своё великое будущее построим вместе с мужественным и благородным народом.- Ташкент: «Ўзбекистон» НМИУ, 2018-С.486
Виноградов А. В. Китайская модель модернизации: Поиски новой идентичности. М.: Памятники исторической мысли, 2005.
2. Воскресенский А.Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А. В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С. 494-500
3. Жумаев Р.З. Политическая система Республики Узбекистан, становление и развитие.- Фан, 1996, 165 с.
4. Жураев С.А., Джавакова К.В., Жалменов У.А., Коренев И.А., Бердиев Б.О., Мухитдинова Ф.А. Узбекистан: модернизация и развитие политической системы.- Академия, Ташкент, 2009.
5. Ирисметов Б.М. Общее и особенное в формировании политических систем в странах Центральной Азии. Монография, Изд-во Института философии и права АН Узбекистана, Т.: 2011.- 135 с.
6. Ирисметов Б.М. Развитие политической системы и безопасности в контексте теории и практики строительства демократического общества в Узбекистане. Учебное пособие., Т.: Изд. «Университет» Национального Университета Узбекистана, 2018г., -124 с.
7. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. Т.2. Зарубежная политическая мысль XX в.- М., 1997.- С.124
8. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология политической мысли. М., 1997. Т. 2.
9. Исломов З. Ўзбекистон модернизациялаш ва демократик тараққиёт сари.- Т.Ўзбекистон, 2005;
10. Могишевский В. Д. Методология систем: Вербальный подход. М: Экономика, 1999;
11. Пай Л. Незападный политический процесс// Политическая наука. 2003. №2, С.233
12. Панарин А. С. Политология. Западная и восточная традиции. М.: Университет, 2000.
13. Плотинский К). М. Модели социальных процессов. М.: Логос, 2001.
14. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997;
15. Almond G. Developmental Approach to Political Systems. World politics, V. XVII, Issue 2 (Jan. 1965)
16. Political Science. An Introduction. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1988 (Ch. 7. Political Culture), and Chilcote Ronald H. Theories of Comparative Politics. The Search of a Paradigm Reconsidered. Boulder: Westview Press, 1994 (Ch. 6. Theories of Political Culture).

17. Уилсоном Ф. (гл. 2. Раздел «The Political Legacy of History»). Wilson Frank L.
18. Concepts and Issues in Comparative Politics. An Introduction of
Comparative Analysis. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1996.. P.434